

ТОТАЛИТАРИЗМ и тоталитарное сознание

**Сборник статей и материалов
конференции**

**Томский областной антифашистский комитет
Томск — 1996**

В.С. ШУТОВ

Теоретические модели тоталитаризма

С апреля 1985 г. в нашем обществе все чаще используется термин "тоталитаризм" для характеристики советской системы, а также термин "посттоталитаризм" при анализе процессов перехода от однопартийной политической системы к плюрализму и демократии. Указанные термины используются настолько широко, что во многом утратили свое эвристическое значение, превратившись в расплывчатые идеологические штампы.

Невозможно понять, кто мы, откуда и куда идем, без точного определения тоталитаризма как исторического явления. Задача осложняется тем, что в самих политических науках до сих пор не выработана единая система критериев тоталитаризма, хотя история его изучения на Западе приближается к 80-летнему юбилею. Дискуссии продолжаются. Тем не менее в огромном массиве литературы, посвященной интересующей нас проблеме, можно уловить ясные контуры основных подходов, в русле которых сложились различные теоретические модели тоталитаризма. Краткому анализу этих моделей и посвящены настоящие тезисы.

В западной политологии термин "тоталитаризм" имеет по крайней мере пять значений: во-первых, крайний авторитаризм; во-вторых, такое состояние психики и сознания, которое принято называть гностицизмом; в-третьих — концентрированное практическое воплощение маккиавелизма; в-четвертых — реализация идей Ж.Ж.Русо; в-пятых — специфическое явление XX века.

И теоретически, и практически оправдан интерес К.Витфогеля, П.Сорокина и других исследователей к проблеме генезиса традиционных автократических режимов. Их анализ и сопоставление с фашизмом, нацизмом и сталинизмом позволяют зафиксировать устойчивость и повторяемость авторитарной, деспотической доминанты в осуществлении власти (1). Однако, такой подход таит опасность отождествления тоталитаризма с традиционными тираническими диктаторскими или тираническими режимами. Следует согласиться с Н. Любомировой, подчеркивающей необходимость "охарактеризовать тоталитаризм как конкретно-исторический феномен, имеющий временные границы и свою собственную специфику... В противном случае всякая прак-

тика злоупотребления властью, всякая длительно действующая несправедливость нарекается тоталитаризмом" (2).

Таким образом, тоталитаризм, демонстрируя явную преемственность с определенными традициями политической жизни прошлого, тем не менее обладает явной спецификой. Поэтому он — не просто интенсификация обычных репрессивных черт авторитаризма. Недостаточно характеризовать его как "крайне деспотический" или "крайне диктаторский" режим.

В чем же специфика тоталитаризма? Не таится ли она в глубинах психологии и сознания? Эти вопросы направляют наше внимание на переломные моменты в истории космического самоопределения человечества — на "революции" в мировоззрении. Э.Фегелин и В.Гуриан подчеркивают тот факт, это философия эллинизма позволяла людям ощущать гармонию с окружающим миром, чувствовать себя "как дома". Однако, существовала и другая интенция психологии и сознания, которая постепенно возобладала и решительно повлияла на политическую идеологию и политическое поведение. Это — восприятие мира в качестве враждебной реальности, которая, однако, может быть перестроена с помощью знания. Гностицизм, уверенность в обладании знанием, позволяющим переустроить враждебный мир и обеспечить коллективное спасение, диктовали особое отношение к политике, к ее специфическим методам организации и управления, к насилию. Аппелляция к истинному, полному знанию становится основой самолегитимации "посвященных", тотального направления ими жизни подчиненных и тотального господства над ними. (3). Но можно ли утверждать, что гностицизм является исчерпывающей характеристикой идеологии тоталитаризма? Можно ли эту идеологию истолковывать как "эззацрелигию", "светскую религию", "секуляризованную религию"? Ведь радикальные доктрины тоталитаризма отвергали религиозные нормы, относились к ним нетерпимо. Это выражалось в первую очередь в том, что божественные функции установления истины и справедливости присваивались тоталитарными вождями. А.И.Исаев, например, подчеркивает значение не только типов, но и форм сознания. Так, по его мнению, в России питательной почвой тоталитаризма стала консервативная утопия. Эта утопия в конце XIX — начале XX в. утратила свои традиционные религиозные основы, но сохранила утопическую оболочку и отработанный механизм восприятия. "Тоталитаризм возникает, — считает А.И. Исаев, — когда утрачивается религиозное, во всяком случае — сакральное, основание идеологии". Тоталитаризм, обнаруживая религи-

озные инстинкты человека и его потребность в целостном отношении к жизни, подменяет целое частью, претендующей на тотальность. Утрата духовного центра делает возможным такие претензии со стороны экономики, политики, идеологии. Общее положение от этого не меняется — тотальность подменяет всеединство". Другой исследователь, Л.А.Седов, связывает наступление тоталитаризма с переходом России из одной стадии идеологичности в другую: от православия — к культу науки. (4).

Понятие "гностицизм" не раскрывает в полной мере ту роль, которые играют идеологии в каждом отдельном случае, не раскрывает специфических механизмов распространения тотальности в фашистской Италии, нацистской Германии, сталинистской России. Насколько идеологические основания политических режимов в этих странах были включены в институты власти, а также в массовое сознание? Как и в каких масштабах они влияли на массовое сознание и массовое политическое поведение в каждом отдельном случае?

Устремлениям, помещающим тоталитаризм в контексты автократической и гностической традиций, берущих начало в древности, альтернативны взгляды тех, кто ставит под сомнение историческую уникальность тоталитаризма. Так, Э.Фул в своей книге о современном маккиавелизме связывает возникновение тоталитаризма с определенными культурными процессами периода Ренессанса, указывая, что этот период был отмечен кризисом ряда основных принципов легитимации политической власти. Упомянутый кризис выразился в демистификации политического руководства. Более того, он выразился в демистификации человеческой природы. Маккиавелли показал эффективность таких политических средств как насилие и обман. Причем, он сделал это в обществе, члены которого уже начали рассматривать мир как арену борьбы за существование. Впрочем, маккиавелизм — специфический способ восприятия действительности и самопознания — во всей полноте проявился в XIX и XX веках. Мы наблюдаем в это время прорыв к политическому господству сугубо материалистических сил, которые используют идеологию чисто манипулятивно, стремясь подчинить своей власти сознание масс. В условиях крушения метафизических ценностей, всяких устойчивых духовных, интеллектуальных и институциональных ориентиров, возникли новые рациональные и социальные основания политики: с одной стороны — голый, циничный расчет политиканов, руководствующихся только конкретным "балансом" сил, с другой — охваченные страхом перед жизнью подвластные,

подверженные влиянию мифов и иллюзий и даже испытывающие в них потребность. Таким образом, тоталитаризм, по мнению Э.Фуула, является крайним маккиавелизмом. Это феномен, вызванный к жизни особой политической ситуацией новой истории, развивающейся вплоть до сегодняшнего дня. (5)

Концепции, подобные тем, которые выдвигает Э.Фуул, не учитывают факторы, которые отметили в свое время Ортега-и-Гассет и О.Хаксли: во-первых, прорыв массовидного человека к власти, сопровождающийся уничтожением культурной элиты, и, во-вторых, заметную подчиненность самих тоталитарных вождей идеологии, провозглашенному в идеологии порядку. (6) С.Волков подчеркивает первостепенную роль новых идеологий в возникновении тоталитаризма. Причем, эти идеологии ориентированы на массы, а не на элитные группы общества. Тоталитаризм есть фактическое отрицание государства. ибо он превращает его в функцию идеологии, носителем которой является партия. (7)

Довольно широко распространена и другая точка зрения, сторонники которой усматривают происхождение некоторых разновидностей тоталитаризма (в частности, советского) в руссоистской концепции "общей воли" и в практике якобинской диктатуры. По их мнению Робеспьер был первым тоталитарным диктатором, пытавшимся осуществить тоталитарную демократию. (8) Ограниченность версии о руссоистско-робеспьерском происхождении тоталитаризма очевидна, ибо она не охватывает такие явления, как итальянский и германский фашизм. Впрочем, и аналогии сталинизма с якобинской фазой Великой Французской революции во многом условны, хотя полезны и интересны.

Европейский рационализм, Просвещение дали миру много идей. Идеи тотальной и радикальной демократии — в их числе. В исторической перспективе они не кажутся ни самыми плодотворными, ни самыми влиятельными. Другое дело, что они сочетались с идеями социальной справедливости и социального равенства, с идеями уничтожения классовых антагонизмов, с концепциями прогресса и естественно-исторического развития, которые активно использовались идеологами и практиками ленинизма-сталинизма. Национал-социализм не опирался на такие идеи. Он опирался на комплекс идеологем, который характеризуется термином "новое варварство".

Большинство теоретиков склоняются к мысли, что тоталитаризм, тоталитарное государство, являются все же феноменом XX века, хотя многие предпосылки и элементы тоталитаризма можно найти в различных обществах и в

различные периоды истории. Именно в XX веке произошла необычайная интенсификация традиционных диктаторских методов правления, то есть старого, испытанного веками арсенала принуждения. Именно в XX веке произошла такая централизация политической власти, что ее можно назвать монополией на средства управления, принуждения и убеждения. Более того, именно в XX веке подобная монополия нашла опору в массовых политических движениях, подчиненных автократическому меньшинству. Только в XX веке оказалось реализованным стремление политических диктаторов к возможно более полной (тотальной) политизации общества, к распространению диктаторской политической власти на все сферы общества, что неизбежно вело к вытеснению и элиминации всех других (неполитических) видов властных отношений кроме партийно-государственно санкционированных.

Таким образом, тоталитаризм предстает как партизированной государственная власть, замещающая все другие властные регуляторы социальной жизни, все непартийные и негосударственные источники и механизмы смысло- и нормообразования.

Х.Арендт считала тоталитаризм всецело новым политическим феноменом, Р.Левенталь — “новым типом революции”. Э.Нойман и Э.Бжезинский утверждали, что динамика тоталитаризма не имеет прецедентов в истории. К.Мангейм подчеркивал, что ни в одной предыдущей диктаторской форме не существовало такого контроля центральной власти над индивидами, как при тоталитаризме. К.Фридрих выявлял связи тоталитарной диктатуры с определенными чертами современного индустриального общества и потому полагал, что указанная диктатура “исторически уникальна и своеобразна”.

Тоталитарная политика, по мнению Х.Арендт, содержит “совершенно новую” концепцию силы, а также совершенно новую концепцию реальности и характеризуется не жадной властью, как таковой, а идеализмом в сочетании с презрением к утилитарным мотивам и интересам. (9) В литературе акцентируются различные факторы возникновения и развития тоталитаризма в XX веке. Одни обращают внимание на возникновение “сакральности” политики, то есть на основные свойства тоталитарных идеологий, характеризующихся религиозными механизмами убеждения и веры, другие — на новые технологические основы политики, позволяющие власти функционировать в тоталитарном режиме, третьи выделяют комплекс уникальных массовых психологических состояний — и возникающих стихийно, и формируемых

сознательно с применением насилия, — которые политизируют массы. ведут к радикальной “демократизации” политического процесса и создают условия для псевдodemократической легитимизации тоталитарных диктатур. Именно этот комплекс — “сакральные” цели политической власти, ее новые технологии господства, ее массовая политико-психологическая база, опирающаяся на чувства одиночества, неуверенности и страха, а также массовая (псевдodemократическая) легитимизация — позволяли властному тоталитарному центру манипулировать сознанием и поведением подчиненных, диктовать свою волю, оправдывать чудовищные преступления, находить преданных последователей, трусливых соучастников и безропотных исполнителей.

Современное демократическое общество, как указывал Е.Опочер, заключает в себе парадокс тоталитаризма. Демократия и тоталитаризм соотносятся как принципы эмпиризма и догматизма. Необходимо избегать уничтожения персоналистической традиции христианства в угоду релятивизму, отождествляющему политическую истину с мнением большинства и возводящему это мнение в догму. Тоталитаризм возникает как движение масс, но завершается лишением народа суверенитета. (10)

ЛИТЕРАТУРА

1. Wittfogel K. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957; Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. N.Y., 1977.
2. Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С.34.
3. Voegelin E. Wissenschaft, Politik und Gnosis, Munich, 1959; Gurian W. Totalitarianism as Political Religion. // Fridrich C. J. (Ed.) Totalitarianism: Proceedings of a Conference Held at the American Academy of Arts and Sciences, March 1953. Cambridge, Mass., 1954, P. 199 ff.
4. Тоталитаризм как исторический феномен. С. 26, 29.
5. Menze E. A. (Ed.). Totalitarianism Reconsidered. N.Y., — London, 1981. Pp. 40, 41.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. №3; О.Хаксли. Этот прекрасный новый мир.
7. Тоталитаризм как исторический феномен. Сс. 10,15.
8. Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy. London, 1952.
9. Menze E.A. (ed.). Op. cit. Pp. 42,43,44.
10. Opocher E. Genesis of Totalitarianism in Democratic Societies. // Political Thought Since World War II. Loondon. Pp. 53,54.